

Хартулари Константин Федорович

**Право суда и помилования, как
прерогативы российской
державности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
К65

К65 **Константин Федорович Х.**
Право суда и помилования, как прерогативы российской державности / Хартулари Константин Федорович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 500 с.

ISBN 978-5-521-28893-9

ISBN 978-5-521-28893-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Настоящій трудъ посвящается нестороннему, по возможности, изслѣденію путемъ историческимъ, коренныхъ основъ такихъ, именно, могущественныхъ правъ и преимуществъ Россійской Державности, какими оказываются, съ одной стороны, право личнаго участія Монарха въ отправленіи правосудія, а съ другой право Его на помилованіе, изъ которыхъ первое, по несоотвѣстности общему государственному принципу, вовсе неизвѣстно Западу, а второе, хотя и отождествляется нѣкими признаками съ правомъ, признаваемымъ за верховною властью всюду и всѣми законодательствами, независимо отъ господствующей формы государственнаго управленія, но, тѣмъ не менѣе, видимо отъ него отличается и своими основаніями и предѣлами.

Такая особенность въ правахъ Россійской Верховной Власти, сравнительно съ общими правами суверенитета по вопросамъ суда и помилованія, — находитъ себѣ объясненіе въ той своеобразности, какъ это будетъ доказано ниже, съ какою зародилось на Руси понятіе о власти и

начало самодержавія, подѣ впливіємъ отчасти родового славянскаго быта, послужившаго, какъ извѣстно, зародышемъ монархическаго принципа, отчасти-же подѣ натискомъ послѣдующихъ историческихъ событій. Отношеніямъ и связи, чисто патріархальнаго свойства, непосредственно установившимся, въ силу родового начала и историческихъ причинъ, между княземъ и народомъ, *когда князь былъ первымъ его судьей, по всякому роду дѣламъ, и семейнымъ, и общественнымъ, и государственнымъ*, а равно сознанію необходимости власти, выразившемуся въ народномъ убѣжденіи: *что безъ князя въ землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды*»,—суждено было еще болѣе окрѣпить въ періодъ татарскаго погрома и московскаго единодержавія, съ котораго и начинается развитіе государственной жизни Россіи.....

При содѣйствіи церкви, въ особенности-же съ тѣхъ поръ, какъ русскіе князья получили царственное значеніе и стали преемниками чести древнихъ византійскихъ монарховъ, *помазанниками Божіими*,—на Руси, говоритъ Герберштейнъ ¹⁾, укоренилось строгаго теократическое воззрѣніе на верховную власть и ея представителей: *«что Царь, самодержавный владыка, дается отъ самого Бога, и потому все что ни совершитъ, совершается по волю Божью, что даже сама Государь, если его просили объ освобожденіи узника, не иначе отъчала, какъ словами: «если Богъ повелитъ, освободима»*.

И подобное воззрѣніе народа на верховную власть вошло на столько въ его плоть и кровь, что на этомъ боготвореніи Царской особы, какъ на выраженіи нрав-

¹⁾ Rerum Moscov. Comm. edit. Starcz. Стр. 12.

ственного его представленія объ исходѣ высшей власти отъ самого Бога,—почили какъ руссiйское самодержавіе, такъ и народное убѣжденіе въ томъ, что, послѣ Бога, только одному Царю, какъ велицепріятному, милостивому и истинному отцу,—принадлежитъ право располагать совѣстью, жизнью и достояніемъ своихъ подданныхъ, и что ему одному, *какъ источнику высшей справедливости и всякаго закона въ землѣ*,—принадлежитъ право суда, а также заступничества за страждущаго, прибѣгающаго къ его защитѣ, ибо *«Царь, какъ Богъ, и покариваетъ и помиляетъ!»*.

Такимъ, именно, ореоломъ божескаго всемогущества и величія русскій народъ привыкъ, искони, окружать престолъ своихъ вѣнценосныхъ Монарховъ, и таковъ одинъ изъ тѣхъ крупнѣйшихъ и поразительной чистоты и блеска брилліантовъ, который непосредственно вложенъ имъ въ корону Мономаха!.....

А потому несомнѣнно, что всякое стремленіе не только къ умаленію самого права, но даже къ усложненію непосредственныхъ сношеній народа съ своимъ Государемъ, по разнаго рода ходатайствамъ о правосудіи и милостяхъ,—будетъ, независимо отъ нарушенія существенныхъ и личныхъ интересовъ самой Верховной власти, еще актомъ святотатственного оскорбленія какъ народныхъ традицій, такъ и народного чувства!.....

II.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ упомянуть о поводахъ, вызвавшихъ нашъ трудъ, а равно объ избранной нами системѣ изложенія предмета.

Не говоря уже о научной важности изслѣдуемаго вопроса, по которому въ нашей отечественной юридической литературѣ не существуетъ никакого отдѣльнаго и полнаго трактата, за исключеніемъ отрывочныхъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ учебникахъ по государственному и уголовному праву, -- примыми показателями необходимости и значенія историко-законодательнаго изслѣдованія вопроса о правѣ монаршаго суда и помилованія въ Россіи, въ интересахъ сохраненія этого права въ томъ, именно, видѣ, какой наиболее соответствовалъ-бы его основамъ и народному о немъ представленію, -- послужили рядъ реформъ Комиссіи прошеній 1810—1890 гг., этого высшаго государственнаго учрежденія, посредствующаго между Государемъ и его вѣрнополданными по ходатайствамъ о правосудіи и о разнаго рода милостяхъ внѣ закона, а еще болѣе рядъ проектовъ о преобразованіи названнаго учрежденія, въ которыхъ нерѣдко предполагалась или реформа на основаніяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ исторією права и самого учрежденія, или-же совершенное его упраздненіе, въ качествѣ самостоятельнаго государственнаго органа.

Хотя упомянутымъ проектамъ не суждено было осуществиться, благодаря осторожности и осмотрительности особыхъ высшихъ Комиссій, на которыя возлагалась реформа, но повторенія подобныхъ попытокъ можно ожидать тѣмъ болѣе, если принять въ соображеніе, что реформированныя, въ минувшія царствованія, административныя, а въ особенности судебныя учрежденія, которыя прежде, въ первоначальномъ своемъ видѣ, сливались со всѣми остальными органами государственной власти, нынѣ, для такого сліянія и общей гармонической дѣл-

тельности, безусловно нуждаются въ соответствующей реорганизациі остальныхъ государственныхъ учреждений, въ томъ числѣ и Коммисіи Прощеній, съ которою, по роду своей дѣятельности, наиболее соприкасаются. Но и при частичномъ преобразованіи Коммисіи Прощеній, если оно когда либо должно состояться, не слѣдуетъ упускать изъ виду той коренной исторической идеи, какая лежитъ въ основѣ этого учрежденія, въ противномъ случаѣ забвеніе упомянутой идеи будетъ имѣть своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ нарушеніе личныхъ историческихъ правъ Россійскаго самодержавія.

Обращаясь къ избранной системѣ изложенія предмета, съ подраздѣленіемъ его на общую и особенную части, при чемъ первал предназначается общему историческому очерку одного только права помилованія, въ связи съ условіями зарожденія и развитія государственной идеи, среди каждаго народа въ отдѣльности, и при томъ въ различныя эпохи его политической жизни, а вторалъ—спеціальному изслѣдованію права суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской Державности,—считаемъ необходимымъ замѣтить, что мы предпочли эту систему, имѣя цѣлью, сопоставленіемъ взгляда на упомянутое право древнихъ, средневѣковыхъ и современныхъ законодательствъ, а также науки, съ исключительнымъ правомъ, присущимъ Россійскому Самодержавію, рельефнѣе выставить всѣ особенности сего послѣдняго.

Въ стремленіи нашемъ къ достиженію намѣченной цѣли, ознакомившись предварительно съ источниками иностранной и отечественной литературы, какъ историческаго, политическаго, такъ и юридическаго содержанія, мы, быть можетъ, не избѣгнемъ упрека въ чрезмѣрной

растянутости настоящаго изслѣдованія переполненіемъ его и такими историческими фактами, которые не имѣютъ, повидимому, прямаго отношенія къ предмету, но оправданіемъ намъ служить общеизвѣстное безспорное положеніе, что въ дѣлѣ всякаго историческаго изысканія, незначительные, по виду, факты служатъ нерѣдко тѣми свѣтящимися точками на темномъ фонѣ историческаго прошлаго, которыя сами по себѣ, хотя и не выясняютъ изслѣдуемаго предмета, но, подобно малкамъ, указываютъ и освѣщаютъ истинный къ нему путь.....

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

ОБЩИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ ПРАВА ПОМИЛОВАНИЯ.

.....
«По принужденію милость
«Не дѣйствуетъ, а падаетъ она,
«Какъ тихій дождь, струищійся на землю
«Изъ облаковъ; благословеніе въ ней
«Сугубое; она благословляетъ
«Тѣхъ, кто даетъ и кто беретъ ее.
«Сильнѣй всего она въ рукахъ у сильныхъ;
«Она—царяхъ приличіе вѣнца;
«Монарховъ скиптръ—знакъ временной ихъ силы,
«Онъ—аттрибутъ величія; изъ него
«Исходитъ страхъ предъ властью государей.
«Но скиптра мощь предъ милостью ничто.
«Въ сердцахъ царей владычествуетъ милость,
«Какъ аттрибутъ Всевышняго, и та
«Земная власть, всѣхъ ближе къ власти Бога,
«Которая и правый судъ творить
«И милуетъ.....
Шекспиръ «Венеціанскій купецъ».

ГЛАВА I.

Опредѣленіе понятія помилованія въ его общемъ и спеціальномъ смыслѣ. Римская доктрина о правѣ помилованія, усвоенная новѣйшими законодательствами.

Подъ словомъ «помилованіе», въ его общемъ и обширномъ смыслѣ, разумѣются. обыкновенно, всѣ дѣйствія милосердія, основаннаго на альтруистическихъ чувствахъ любви и состраданія къ ближнему, а, слѣдовательно, на началѣ, явно противоположномъ строгой идеѣ права.

Въ спеціальномъ-же смыслѣ оно выражаетъ собою право, присущее державности, въ силу котораго, снисходя къ участи человѣка, преслѣдуемаго или

уже осужденнаго закономъ за извѣстное преступленіе,—она можетъ совершенно его простить и освободить отъ всякаго наказанія, или же ограничиться смягченіемъ таковаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что происхожденіе изслѣдуемаго права теряется въ глубокой древности и современно зарожденію общественной и государственной жизни народовъ.

И дѣйствительно, оно было уже извѣстно египтянамъ и евреямъ, при чемъ у царей египетскихъ право помилованія являлось однимъ изъ ихъ общихъ божескихъ свойствъ, вслѣдствіе обоготворенія царей народомъ, о чемъ свидѣлствуетъ Мюдоръ Сицилійскій, и что подтверждается текстомъ на греческомъ языкѣ, найденнымъ Шампольономъ младшимъ ¹⁾ въ описаніи Розетты, въ которомъ египетскій царь Птоломей именуется: «Богомъ, рожденнымъ отъ бога и богини, подобно Горусу, сыну Изиды и Озириса» ²⁾.

Что же касается до евреевъ, то, по удостовѣренію извѣстнаго профессора Гёттингенскаго университета Михаелиса ³⁾, право помилованія было исключительно прерогативою короны,—фактъ, который, по мнѣнію его, находитъ себѣ подтвержденіе въ слѣдующемъ примѣрѣ изъ «Книги Царей»:

Къ царю Давиду явилась женщина и заявила ему: «О Цары! помоги мнѣ. Я вдова, мужъ мой умеръ. «Твоя раба имѣетъ двухъ сыновей, которые во время «полевыхъ работъ поссорились и подрались между «собою, и такъ какъ никто не поспѣшилъ ихъ раз«нять, то одинъ братъ убилъ другаго. Между тѣмъ,

¹⁾ Champollion le jeune: «Lettres écrites d'Égypte et de Nubie».

²⁾ Θεὸς ἐκ θεοῦ καὶ θεᾶς καὶ ἀνθρώπου. Ὁρὸς, ὁ τῆς Ἰσίδος καὶ Ὁσφιδος.

³⁾ Michaelis: «Mosaiches Recht»—S 58.

«вся семья возстала противъ твоей рабы, требуя отъ нея выдачи убійцы, говоря, что, *въ отмщеніе* «за жизнь убитого, они должны его умертвить. Такимъ образомъ, они желаютъ лишить меня послѣдней надежды, послѣдняго преемника моего мужа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдней поддержки въ «жизни». Давидъ ей отвѣтилъ: «иди въ домъ свой, и *такъ же* *отри*ю, какъ живъ Превѣчный Богъ, что ни «одинъ волосъ не спадетъ съ головы твоего сына» ¹⁾).

Такой отвѣтъ царя Давида, замѣчаетъ профессоръ Лувенскаго университета Тониссенъ ²⁾), обнаруживаетъ съ полною очевидностью, что цари израильскіе, даже въ началѣ монархическаго правленія, располагали правомъ не только прекращенія уголовного преслѣдованія и отмены наказаній, но даже воспрещенія семействамъ убитого пользоваться *правомъ мести*, признаваемымъ за ними законами Моисея.

Столь же ясно и то, продолжаетъ Тониссенъ, что со времени возникновенія царской власти царямъ израильскимъ и іудейскимъ, вопреки даже законамъ Моисея, предоставлялась абсолютная власть надъ свободою, жизнью и достоинствомъ своихъ подданныхъ, и что, въ числѣ другихъ важнѣйшихъ правъ, и преимуществъ, *или принадлежало и право помилованія обвиняемыхъ и осужденныхъ*.

Сообразно съ поступательнымъ развитіемъ государственной и общественной жизни древнихъ народовъ, право помилованія или расширялось или ограничивалось, при чемъ, мѣняя только своихъ факторовъ, то есть державныхъ лицъ или сословія, въ рукахъ которыхъ находилась высшая власть, начиная

¹⁾ 2-я книга царствъ, XIV, 5 и слѣдующіе; III, 1, 51, 52, 53.

²⁾ Thonissen: «Études sur l'histoire du Droit criminel des peuples anciens» — V, II.

отъ народнаго представительства и кончая абсолютнымъ монархизмомъ,—оставалось, тѣмъ не менѣе, вѣрнымъ своему первоначальному назначенію: служить постояннымъ коррективомъ, восполняющимъ недостатки человѣческаго закона, съ которымъ имѣетъ одно общее основаніе «справедливость», состоящую въ обсужденіи и оцѣнкѣ всѣхъ особенностей въ положеніи лицъ и ихъ взаимныхъ отношеній.

Но, если мы обратимся къ первоисточнику правоваго понятія и взгляда на помилованіе, какія усвоены всѣми новѣйшими народами, независимо отъ ихъ политической организаціи, и признаны всѣми, безъ исключенія, законодательствами, за вѣчныя и неизмѣнныя въ своемъ существѣ,—то должны будемъ признать, что такимъ, именно, источникомъ оказывается доктрина, выработанная римскими юристами въ эпоху окончательнаго развитія римскаго самодержавія: «что Государь есть начало всякаго правосудія и источникъ всякой милости».

«Желаніе Государя есть законъ» ¹⁾, заявляетъ Ульпіанъ, провозглашая, впервые, вмѣстѣ съ другими современными юрисконсультами Имперіи: Гаемъ, Папиньяномъ и Модестиномъ, торжество неограниченной власти, которое не только измѣнило весь современный политическій порядокъ древняго міра, но въ то же время противопоставило справедливость, наиболѣе согласную съ естественною правдою,—строгому римскому праву, основавшему семейство на власти, собственность на исключительномъ правѣ римскаго гражданства и святость договоровъ на письменныхъ условіяхъ.

¹⁾ Ulpian. L. 1. Dig. «De Constitutionibus principum»: «Quod principi placuit, legis habet vigorem».